

Предисловие

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Может показаться, что журнал «Назирский архив» в этой публикации выходит за рамки относительно строгого дискурса, которому обычно подчинены материалы, так или иначе толкующие о Назирове и его наследии.

Рефлексия Жигарина о книге Назирова «Становление мифов» фиксирует себя в совершенно иной форме — явно провокативной по отношению к конвенции того, что называется в современной культуре «научным журналом».

Видимо, необходима справка. Отзыв Жигарина — фрагмент литературно-философского проекта «Отецынька», который уже несколько лет ведет его дочь, доцент РГГУ Е. Жигарина¹. «Отецынька», с одной стороны, эксплуатирует возможности нового типа отношений в системе «читатель — автор», возникшего в современных социальных сетях. С другой стороны, тексты «Отецыньки» вызывают ассоциации, например, с текстами В. Шинкарева. Если попытаться в этой связи блеснуть эрудицией (чего старший Жигарин, кажется, не очень любит), то можно припомнить и «Племянника Рамо» Д. Дидро, и античную традицию кинизма. Как бы то ни было, провокативность высказывания не должна отменять серьезного отношения к нему.

Отмечу несколько формальных и смысловых аспектов жигаринского высказывания, «зацепивших» лично меня.

Прежде всего, это — эффект полной подлинности публикуемого здесь высказывания. Дело не только в его подчеркнутой «неформальности». Оно не завершено (и несовершенно) как любая непосредственная эмоция. Отзыв Жигарина — отзыв человека, действительно чрезвычайно искренне прочитавшего книгу Назирова. Далеко не о каждом «конвенциональном» рецензенте, откликнувшемся на тексты Ромэна Гафановича, можно сказать то же самое. Сама эта незавершенность и эмоциональная противоречивость, между прочим, концептуальна близка представлениям Назирова о закономерностях восприятия.²

Это однако не отменяет резких расхождений Жигарина с целым рядом ключевых положений «Становления мифов». Поиск корней этих

¹<https://www.facebook.com/groups/1173623572729017/>

²См.: Назиров Р. Г. Эффект подлинности. Уфа, 2016. Следует заметить, что эта книга, конечно, должна читаться не только как «учебное пособие», как ее прочел рецензент (см.: Файнберг В. В. Назиров Р. Г. Эффект подлинности. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. (рец.) // Назирский архив. 2017. № 1. С. 121–123).

расхождений может нас очень далеко увести, хотя не могу не отметить, например, показательное пренебрежение Жигарина к неокантианству и, вероятно, к самому «старика Иммануилу»³. Между тем, для Назирова — не только в «Становлении мифов» — кантианская традиция, конечно, важнее, гегельянской.

С другой стороны, декларативное «антигегельянство» Назирова в свое время озадачило и меня, когда я впервые познакомился с этими пассажами — просто потому, что оно далеко не так очевидно во всех других его работах. В этом смысле интересен анализ назировской полемики с Лосевым, проведенный в нашем журнале Р. Р. Вахитовым⁴. Не является ли демонстративная критика Гегеля проявлением своего рода «конкурентной» борьбы с немецким классиком? Вот и Жигарин говорит о «зависти» Назирова к Гегелю и «имперской крови» (надо понимать, «имперской» — в смысле стремления к тотальной систематизации знания?).

Кроме того, Жигарин своей реакцией обнажает не вполне очевидную до этого сторону назировского текста — его внутреннюю провокативность, своего рода интеллектуальный радикализм. Конечно, сравнение с Лысенко для всех, кто более или менее знаком (пусть даже заочно) с личностью Назирова, выглядит совершенно невозможным, но ведь ясно, что это сравнение — лишь форма сильного ответного чувства. Назиров по-своему не менее радикален, обвиняя Гегеля в исторических катастрофах XX века.

Думаю, что не ошибусь, назвав источником этого радикализма. . . Достоевского. Совсем не случайно «Родька Раскольников» появляется и речах Жигарина; ведь и Федор Михайлович в определенном смысле «антигегельянец» — просто потому, что ни одну идею не берет в ее «чистом» виде, а только — в ее практическом воплощении. И с этой точки зрения вполне можно бросить создателю колеса обвинение в том, что автомобиль кого-то задавил в Берлине (см. соответствующий пассаж у Жигарина). Философски это бессмысленно, но зато *человечно*.

Этический и публицистический пафос книги Назирова — в том, что идея есть деяние, миф о мире — уже конструкция этого мира, в котором кому-то дальше предстоит жить, а отцы идей и мифов несут моральную ответственность за «подвиги» своих детищ. . . До сих пор у меня не было повода сформулировать эту мысль. Теперь, спасибо «Отецыньке», такой повод случился.

---

³Интересно, прав ли я в этом? В «Отецыньке» я развернутых рассуждений о Канте не нашел; возможно, плохо искал. . .

⁴См.: Вахитов Р. Р. Р. Г. Назиров как философ мифа и его полемический диалог с А. Ф. Лосевым // Назировский архив. 2015. № 4. С. 107–117. Кстати, у Вахитова есть и весьма здравое объяснение «антигегельянства» Назирова: с. 111–112.